О церкви въ исторической жизни Русскаго народа.

По поводу пятисотлѣтія отъ начала архипастырства Св. Стефана Пермскаго *)

Многимъ конечно памятно, что на томъ нашемъ историческомъ юбилеѣ, которымъ открылась цѣлая серія другихъ — на столѣтнемъ юбилеѣ со дня смерти Ломоносова, не кѣмъ инымъ какъ В. И. Ламанскимъ, былъ безпристрастно предложенъ тостъ за нашихъ старшихъ братьевъ на Западѣ, „празднующихъ не сто-

*) Память Св. Стефана Пермскаго 6-апрѣля. Петербургское Славянское Общество уже помянуло его подвигъ въ своемъ годичномъ торжественномъ засѣданіи 14-го февраля (въ день кончины Св. Кирилла), гдѣ и была произнесена рѣчь послужившая основаніемъ настоящей статьи.

лѣтніе, а трехсот- и даже пятисотлѣтніе юбилеи". Невольно вспомнились эти слова по случаю только-что отпразднованнаго міромъ юбилея Рафаэля. Но вѣдь и у насъ на Руси оказываются своего рода съ крупною цифрою юбилеи. Такъ три года тому назадъ, мы чуть было не забыли,—все же однако кое-гдѣ и вспомнили и кое-какъ отпраздновали пятисотлѣтіе Куликовской битвы. Вѣдь это было чествованіе не собственно *битвы*, а того подъема духа, котораго главнымъ выразителемъ былъ Св. Сергій Радонежскій. Въ настоящемъ году мы въ правѣ, т. е. мы обязаны, помянуть другаго дѣятеля на той же церковной почвѣ—этой „культурной" почвѣ древней Руси. Но память Стефана Пермскаго, столь близкаго къ Сергію Радонежскому (и жизнеописатель у нихъ одинъ), связана узами духовной близости и съ тѣми древнѣйшими нашими просвѣтителями, одному изъ которыхъ уже въ 1860 г. исполнилось, другому же чрезъ два года исполнится—со дня ихъ смерти — *тысячелѣтіе* (близость эту вполнѣ сознавалъ древній жизнеописатель Стефана и Сергія).



Каждогодно, по обычаю вошедшему въ употребленье уже не со вчерашняго дня, и 14-го февраля, и 11-го мая мы празднуемъ память Славянскихъ Первоучителей. Это все еще, правда, праздникъ не всенародный, а какъ бы „приходскій“ праздникъ Славянскаго Комитета. Это и придаетъ празднику, по крайней мѣрѣ во мнѣніи многихъ, какой-то оттѣнокъ *политическій*. Между тѣмъ, идея великихъ Солунскихъ братьевъ была совершенно иная—чисто *церковная*, т. е. неизмѣримо высшая, чѣмъ какая-либо политическая идея. Они именно и являются чистыми представителями церкви, т. е. „царства не отъ міра сего“, которому рано или поздно должно будетъ подчиниться «царство сего міра», т. е. политики.

Трудясь надъ славянской грамотой и переводомъ Св. Книгъ для Славянъ, Кириллъ и Меѳодій руководились конечно не политическою заботою о созданіи единаго литературнаго языка для Славянскихъ народовъ. Ихъ забота была и проще, и глубже, и шире. То была забота объ *общедоступности* Слова Божія, т. е.

о воспріятіи его духомъ, объ обращеніи къ нему волею, а не неволею. Какой бы народъ ни позвалъ ихъ на проповѣдь—они бы пошли къ нему съ проповѣдью на *его* языкѣ. Это доказалъ ученикъ ихъ у насъ, много вѣковъ спустя; недаромъ же и жизнеописатель Стефана Пермскаго выставляетъ его ученикомъ ихъ, выставляетъ конечно на основаніи неизсякнувшаго преданія объ истинномъ смыслѣ дѣятельности Славянскихъ Первоучителей. Стефанъ отправился съ проповѣдью къ *Зырянамъ*—и позаботился о *зырянской* грамотѣ. „Научи ихъ грамотѣ ихъ пермьстѣй", повѣствуетъ его жизнеописатель, невольно давая сквозить въ своемъ витіеватомъ разсказѣ живымъ неподдѣльнымъ чертамъ,—„но и всѣмъ имъ новокрещеннымъ, мужемъ и уношамъ и отрокамъ младымъ и малымъ дѣтищамъ, заповѣда учити грамоту.... Учащихъ же ся грамотѣ... овыхъ въ попъ поставляше, овыхъ же въ дьяконы, другія же въ подъякы, четци же и пѣвци, пѣтіе имъ перепѣвая и прелагаа и писати научая ихъ пермьскія книги и самъ спомогая имъ, преводяше съ русскихъ книгъ на пермь-

скія книги и сія предасть имъ". Это значило дѣйствовать по завѣту нашихъ Первоучителей, въ которыхъ узко было бы видѣть какихъ-то только *предтечъ панславизма*. Для Славянскаго міра гораздо поучительнѣе признать въ нихъ широкую идею *вселенской* проповѣди, той проповѣди *на всѣхъ языкахъ*, первообразомъ которой служило великое чудо Пятидесятницы. Для исповѣдниковъ этого чуда софистическія ссылки на трехъ-язычную надпись Пилата не могутъ не представляться *трехъ-язычною ересью*. Но тѣмъ болѣе ересью должна представляться обязательность *латыни*—этого государственнаго языка, оставленнаго древнимъ языческимъ Римомъ Риму новому — для скрѣпленія святотатственнаго подмѣна *внѣшнимъ единствомъ* того внутренняго единства, къ которому только и можетъ стремиться христіанскій міръ. При подобномъ подмѣнѣ возможны только завоеванія въ прямомъ смыслѣ этого слова — огнемъ и мечемъ—обращенье крещенныхъ во имя Христа въ безгласныхъ подданныхъ церкви, переставшей быть царствомъ не отъ сего міра, т. е. церкви из-

мѣнившей самой себѣ. Тотъ же подмѣнъ единства внутренняго единствомъ внѣшнимъ совершился, хотя и въ другомъ видѣ, отчасти и въ Византіи, въ силу присущей ей римской же государственной стихіи. Изъ нечестиваго требованія, чтобы народы принимающіе христіанство отъ Грековъ тѣмъ самымъ признавали надъ собою и верховную власть византійскаго государя, какъ единственнаго истиннаго царя на весь христіанскій міръ, логически вытекала измѣна свободному духу Кирилла и Меѳодія, измѣна — окончательнымъ проявленьемъ которой являются, уже по паденіи Цареграда, фанаріотскія отношенія къ Болгарамъ.

Направленье Славянскихъ Первоучителей сложилось вполнѣ независимо не только отъ Рима, но и отъ Византіи съ ея все же римской закваской языческой государственности. Не даромъ, по свидѣтельству Черноризца Храбра, противъ изобрѣтенной ими для какихъ-то тамъ Славянъ грамоты такъ презрительно возстали гордые своимъ просвѣщеньемъ Эллины. Но нѣчто подобное, по свидѣтельству жизнеописателя Стефана Перм-

скаго, происходило по отношенью къ нему и у насъ—конечно подъ вліяньемъ византійскихъ понятій. Наши порицатели Стефана, т. е. имъ изобрѣтенной зырянской грамоты, въ доказательство ея ненужности ссылались еще и на ожидавшуюся въ то время кончину міра. „Нынѣ же въ скончаніи лѣтъ, говорили они, въ послѣднія дни на исходъ числа седьмыя тысящи... грамота замышляти! Аще ли се требѣ есть, достояше паче русскаа, готова сущи грамота, юже предати имъ и научити я; суть бо письмена книжнаа, ихъ же издавна по пошлинѣ имуще языки* у себя, яко же се жидовски, еллински, римски". Тутъ положительно слышится отзвукъ трехъ-язычной ереси —при готовности обратить ее въ четырехъ-язычную. Къ тремъ міровымъ языкамъ, наша народная гордость присоединила и русскій. Не даромъ съ приближающимся паденіемъ Византіи созрѣвала у насъ идея, что мы прямые наслѣдники ея міроваго величія Но въ сторонѣ отъ такого мірскаго соблазна оставался Св. Стефанъ—какъ прямой послѣдователь нашихъ не политическихъ, а церковныхъ

Первоучителей. Не даромъ и жизнеописатель, сопоставляя его подвигъ съ подвигомъ Солунскихъ братьевъ, въ защиту его употребляетъ пріемъ Черноризца Храбра. „Коль много лѣтъ, говоритъ онъ, мнози философи еллинстіи сбирали и составливали грамоту греческую, и едва уставили мнозѣми труды... а пермьскую грамоту единъ чернецъ сложилъ... единъ Единаго Бога на помощь призывая... Мню яко русская грамота честнѣйши есть еллинскія: святъ бо мужъ сотворилъ ю есть, Кирилла реку философа, а греческую алфавиту Еллині некрещени... Тако же и потому же пермская грамота паче еллинскія, юже сътвори Стефанъ: тамо Кириллъ, здѣ же Стефанъ... оба единако равенъ подвигъ обявиста... овъ спасенія ради Словѣномъ, овъ же Пермяномъ, яко двѣ свѣтилѣ свѣтлѣ языки просвѣтиста". Въ такомъ постановленіи себя на одну доску съ Зырянами совсѣмъ нѣтъ той „людской гордыни", которой, по выраженію Хомякова, „не любитъ Богъ" и которой, стало-быть, не совсѣмъ успѣшно учила насъ Византія, преданная, по

словамъ того же поэта-христіанина, сокрушительному мечу Османа «за вѣру безвѣрную, лесть и развратъ».

Вѣра проповѣданная намъ на языкѣ кирилло-меѳодіевскомъ стала для насъ настоящей вѣрой—живою Христовой вѣрой. Едва лишь огласило наши новозданные храмы на языкѣ столь намъ близкомъ такъ понятно говорящее сердцу слово евангельское, какъ уже новообращенный нашъ князь усомнился въ своемъ правѣ отнимать жизнь—хотя бы и у разбойниковъ. Если сомнѣнья его и устранялись самимъ духовенствомъ—въ ту пору конечно еще исключительно пришлымъ греческимъ, состоявшимъ подъ вліяньемъ византійской культуры съ ея „градскимъ закономъ“, по духу унаслѣдованнымъ отъ язычества,—эти сомнѣнія простодушно увѣровавшей души оставались на самомъ дѣлѣ не устраненными. Не даромъ, спустя слишкомъ вѣкъ, раздаются слова другаго князя Владиміра, заповѣдающаго такъ своимъ дѣтямъ: «ни права ни крива не убивайте и не повелѣвайте убити; аще будетъ и повиненъ смерти, душя же не погубляете ни-

какоя же хрестьяны». Тутъ далеко опережалась не только что византійская, но и будущая западно-европейская культура, до сихъ поръ еще не раздѣлавшаяся со смертною казнью—даже со стараньемъ ее отстоять во имя науки. Дѣло въ томъ, что это вопросъ, котораго, какъ и многихъ другихъ, никогда окончательно не рѣшить ни какой *культурѣ*. Между тѣмъ вопросъ этотъ давно и безповоротно рѣшенъ христіанствомъ, и если все, что̀ достигнуто въ этомъ отношеніи культурой, сводится только къ замѣнѣ прежнихъ варварскихъ казней такимъ усовершенствованнымъ способомъ какъ гильотина *), то это только доказываетъ—до какой степени культурному развитію человѣчества далеко до высоты христіанскаго идеала. Такъ ли давно еще прекратились въ Европѣ казни,—и какія страшныя казни!—даже за такія вымышленныя преступленія, какъ колдовство, въ преслѣдованіи котораго протестанты не

*) Зрѣлище сія тѣмъ не менѣе заставило нашего любимаго писателя, гр. Л. Н. Толстаго, окончательно усомниться въ „цивилизаціи".

уступали католикамъ, въ защиту котораго завелась цѣлая богатая юридическая литература, несовсѣмъ заброшенная можно-сказать и посреди всѣхъ побѣдъ ума въ просвѣтительное XVIII-е столѣтіе! (Отзвуки этой чертовской юриспруденціи слышны еще и въ воинскомъ регламентѣ Петра — позаимствованномъ у культурной Германіи.) Между тѣмъ, еще въ концѣ XIII столѣтія—въ мрачную пору нашего заполоненья Татарщиной, раздается любящій голосъ церкви въ защиту несчастныхъ жертвъ суевѣрнаго самосуда. Но вѣдь самъ этотъ кроткій епископъ Владимірскій вовсе и не думаетъ опережать свой вѣкъ высотою своего умственнаго развитія: онъ вѣритъ и самъ въ возможность чародѣянія при помощи злаго духа, но онъ чувствуетъ сердцемъ и возможность ошибокъ въ нашихъ подозрѣніяхъ, онъ приходитъ въ ужасъ отъ проливаемой крови, такъ часто *напрасной* крови; и вотъ, онъ въ негодованьи предостерегаетъ: „пожигаете огнемъ неповинныя человѣки!"

А вся та кровь, что̀ была пролита въ оборону вѣры—потому что въ царство

Божіе человѣкомъ вносились завѣтные свычаи и обычаи земнаго царства, и онъ счелъ себя обязаннымъ истреблять „враговъ Божіихъ“, какъ воинъ обязанъ побивать на войнѣ земныхъ враговъ своего Государя! И эта душеспасительная война съ невѣрующими или и иновѣрующими, какъ и душеспасительная война съ колдовствомъ, перешла отъ католиковъ къ протестантамъ: стоитъ вспомнить извѣстную инквизиторскую страницу изъ жизни Кальвина. И у насъ, по свидѣтельству житія Св. Стефана, многіе диву давались, что онъ „не сваряшеся, ни бдашеся съ ними (язычниками), но съ кротостію слово Божіе проповѣдающе имъ“. Стефану настоятельно указывали на главнаго зырянскаго волхва, говоря: „возьми сего и казни... повиненъ есть казни и по нашей пошлинѣ долженъ есть умрети, понеже слова Божія не слушаетъ“. Но Стефану не зачѣмъ было бы и изобрѣтать зырянскую грамоту, если бы онъ былъ способенъ огнемъ и мечемъ загонять въ купель, какъ это и происходитъ во множествѣ рыцарскихъ поэмъ отражающихъ то, что происходило и въ дѣйствитель-

ной жизни временъ рыцарства. Между тѣмъ, завѣты нашихъ первоучителей внушили Св. Стефану такое рѣшенье относительно обрекаемаго ему на жертву волхва: „да отсѣчется мечемъ духовнымъ“. А потомъ въ своемъ собственномъ завѣщаніи своей паствѣ онъ говоритъ: „никто же васъ да не преокрадетъ лживыми ученіи и ересью... Но аще кто впадетъ въ старо прегрѣшеніе, вы, духовніи, съвершайте таковаго духомъ кротости“. И этимъ-то и былъ посрамленъ главный волхвъ съ его вопросомъ: „отъ Москвы можетъ ли что̀ добро быти?“

„Добрый нашъ учителю“, такъ стали обращаться къ нему новообращенные, и когда онъ былъ поставленъ епископомъ въ Пермскую землю, то это произошло не только изволеніемъ великаго князя и митрополита, но и „хотѣніемъ всего причта и людей“. Что жизнеописатель, современный Стефану инокъ, при всемъ своемъ украшенномъ слогѣ заслуживаетъ довѣрія, это видно изъ того безпристрастія, съ какимъ онъ не скрылъ ни нерасположенья Зырянъ къ Москвѣ, ни тѣхъ обычныхъ при поставленіи на церковныя мѣ-

ста злоупотребленій, къ которымъ относятся дальнѣйшія его слова: „не добивался (т. е. Стефанъ) владычества, ни наскакивалъ... не далъ бо никому ничто же.... ничего же бо бяше было и дати ему". Мы можемъ стало-быть довѣрять и основной сущности того, по формѣ нѣсколько витіеватаго и растянутаго плача по умершемъ Стефанѣ, который вложенъ въ уста Зырянамъ въ концѣ житія: „къ Богу убо моляшеся о спасеніи душъ нашихъ, а ко князю о жалобѣ нашей и о льготѣ и о пользѣ нашей.... многажды избавляя ны отъ насилія и работы, и тивуньскія продажа и тяжкія дани облегчая ны.... Но и сами ти Новгородци ушкуйиници разбойници словесы его увѣщеваны бываху, еже не воевати ны". Да вѣдь такимъ добрымъ пастыремъ и не могъ не быть тотъ, кто понесъ къ своей будущей паствѣ такой даръ любви, какъ имъ же и изобрѣтенная зырянская грамота. Но добрый пастырь, не вдававшій слабыхъ въ обиду сильнымъ, какъ бы ни назывались эти сильные—Новгородцами или Москвичами—не могъ оградить свою паству отъ

такой горькой обиды, какъ та, что Москва, гдѣ онъ умеръ, оставила у себя его останки: „Се ли есть правосудье ея? спрашивается въ томъ же плачѣ. Имѣюще у себе митрополиты, святители, а у насъ былъ одинъ епископъ, и того къ себѣ взя, и нынѣ быхомъ неимуще ни гроба епископля“...

Но оставленъ ли новообращенному краю *духъ* св. Стефана? Оказывается, что отъ его зырянскихъ книгъ не осталось почти и слѣда. Дѣло въ наши дни начинается съизнова.

Начало Св. Стефана, начало нашихъ Первоучителей—это не *буква*, а *духъ*;—а „идѣже духъ Господень, ту свобода“.

„Увѣруй свободно—вотъ наша формула“, утверждалъ недавно умершій писатель, остававшійся на древней церковной почвѣ и всѣхъ призывавшій на нее возвратиться. „Не сошелъ Господь съ креста, чтобы *насильно* увѣрить *внѣшнимъ чудомъ*, а хотѣлъ именно свободы совѣсти. Вотъ духъ народа и христіанства, если же есть исключенья, то мы ихъ оплакиваемъ“. *)

---

*) Достоевскій въ своей записной книжкѣ (см.

Эти исключенія завелись уже давно, и все болѣе и болѣе переставали быть *исключеніями*. Въ XV в. „Просвѣтитель“ Іосифа Волоцкаго является уже проповѣдью розысковъ и казней ради вѣрнѣйшей расправы съ жидовствующими—со ссылками на „градскій“ византійскій законъ, выдаваемый тутъ за столь же „боговдохновенный“, какъ и каноны церковные. Но въ отпоръ этому направленію немедленно раздается негодующій голосъ монаховъ сѣверныхъ — послѣдователей Преподобнаго Нила Сорскаго. „Аще повелѣваеши, о Іосифе, писали они суровому игумену Волоколамскому, брату брата убити, то и субботство будетъ и вся ветхаа закона, ихъ же Богъ ненавидитъ“. Такимъ образомъ съ этой глубокомысленной точки зрѣнія главный противникъ жидовствующихъ самъ оказывается жидовствующимъ по духу. Но ссылки на градскій законъ Византійскій были подкрѣплены еще и ссылкою на

№ 1 журнала „Русское Богатство“). Къ тому же сводится и эпизодъ: „Великій инквизиторъ“ въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“.

„шпанскаго короля", котораго ревность по вѣрѣ хвалилъ Геннадію Новгородскому посолъ цесаревъ. Насъ прямо такимъ образомъ соблазнила и сама святая инквизиція. Но зрѣлище тѣхъ костровъ, на которыхъ сгорѣли главнѣйшіе изъ жидовствующихъ въ 1504 г., тѣмъ сильнѣе воспламенило древній духъ церкви—духъ христіанской любви и свободы въ старцѣ Артеміи. Замѣчательно, что и въ своихъ посланіяхъ противъ протестантовъ онъ ополчается на религіозную нетерпимость—очевидно считая и ихъ ей причастными. И мы должны будемъ сознаться, что онъ имѣлъ на то основаніе, если, напримѣръ, вспомнимъ извѣстную инквизиціонную сцену изъ жизни Кальвина (равно же и усердіе протестантовъ въ истребленіи колдуновъ и вѣдьмъ). Дѣло въ томъ, что идея такъ-называемой свободы совѣсти на Западѣ развилась изъ *раціонализма*—въ связи съ вытекающимъ изъ него *равнодушіемъ* къ вѣрѣ (индифферентизмомъ). У насъ же вѣротерпимость въ былое время провозглашалась ея многочисленными исповѣдниками прямо *во имя вѣры*, на томъ простомъ основаніи,

что дѣйствительно увѣровать и можно только *свободно*.

Старецъ Артемій въ своемъ посланіи къ „люторскимъ учителямъ, ставящимъ Десятословіе выше Евангелія“ (тотъ же упрекъ и имъ во внутреннемъ субботствѣ, съ какимъ обращались заволжскіе иноки къ Іосифу Волоцкому), прямо говоритъ о мучительствѣ изъ-за религіознаго разномыслія: „нѣсть сіе христіанскія премудрости, но міра сего, распеншаго Господа славы“... „Нѣции, продолжаетъ онъ, мірская мудрствующе и хвалитися о таковыхъ, ревность Божію глаголюще имѣти, якоже Илья и Финіесъ (примѣры изъ Ветхаго Завѣта, на которые ссылался Іосифъ Волоцкій). Но нѣсть нынѣ время таковымъ. Восхотѣша нѣкогда симъ извѣтомъ ученици Господни огнемъ погубити не пріимшихъ его, но запрещени быша. Не вѣсте, рече, коего духа есте вы“ *).

На тѣ же слова Христовы къ ученикамъ ревновавшимъ еще по ветхозавѣтному,

---

*) Сочиненія старца Артемія изданы въ 4-мъ томѣ „Русской Исторической Библіотеки“. Спб. 1878 г.

ссылались впослѣдствіи наши старообрядцы въ видѣ отповѣди на мучительство, воздвигнутое противъ нихъ „презлымъ осифлянствомъ" (какъ названо было направленіе Іосифа Волоцкаго кн. Курбскимъ). „Какіе апостолы такъ учили— огнемъ и мечемъ и висѣлицею въ вѣру обращать?" спрашивалъ знаменитый раскольничій первоучитель (въ своемъ самописанномъ житіи подражавшій житію пострадавшаго отъ иконоборцевъ Максима Исповѣдника). Если, подъ вліяньемъ гоненій, и въ старообрядчествѣ на концѣ замутилось старое христіанское начало терпимости, то все же историкъ старообрядческой Выговской пустыни въ XVIII вѣкѣ противополагалъ завѣщанный нашей стариной „духъ восточный благодатный" новозаимствованному „духу западному *ратному*". Онъ, конечно, при этомъ забылъ (о чемъ могли бы ему напомнить и раскольническіе писатели), что и Византія (по своей *римской* закваскѣ) не была чужда духа *ратнаго*; но онъ остается правъ въ томъ смыслѣ, что у насъ этотъ духъ окончательно восторжествовалъ лишь тогда, когда стали ссылаться

на „шпанскаго короля“. Ссылки же эти въ концѣ-концовъ привели къ тому, что основанная на рубежѣ между древней и новой Русью по западному іезуитско-схоластическому образцу Московская Славяно-Греко-Латинская Академія по уставу своему должна была служить у насъ своего рода инквизиціоннымъ трибуналомъ. „Огнемъ да сожжется“, безпрестанно повторяется въ этомъ уставѣ, духу котораго прямо вторилъ уже при Петрѣ Стефанъ Яворскій въ своемъ „Камнѣ Вѣры“.

Но если оборона царства Божія была наконецъ сведена и у насъ на мірскую почву мучительства, то память такихъ людей, какъ Св. Стефанъ, прямой послѣдователь нашихъ Первоучителей, красноречиво говоритъ о томъ, какимъ драгоцѣннымъ духовнымъ кладомъ мы обладали. Вмѣсто того, чтобы окончательно затирать стези къ этому кладу увѣреніями, будто бы послѣдователи Нила Сорскаго въ сущности смотрѣли на защиту вѣры такъ же, какъ „Осифляне“ — (что мы читаемъ въ одномъ очень извѣстномъ трудѣ по исторіи Русской церкви), слѣдуетъ, напротивъ того, употребить всѣ

усилія, чтобы снова обрѣсти этотъ кладъ, во всей первоначальной его чистотѣ. Оно вышло бы кстати къ предстоящему вскорѣ тысячелѣтію нашего равноапостольскаго Меѳодія.

Такимъ же точно зарытымъ кладомъ является и древній земскій духъ нашей церкви, тотъ духъ, который сдѣлалъ Стефана Пермскаго защитникомъ обращенной имъ къ Богу земли и отъ московскихъ приказныхъ людей, и отъ новгородскихъ разбойниковъ. Духъ этотъ сказывался изначала въ воззрѣніяхъ нашихъ иноковъ-лѣтописцевъ на княжескую власть и ея совмѣстность съ вѣчевымъ началомъ; въ этомъ земско-церковномъ духѣ былъ созданъ тотъ идеалъ князя „добраго страдальца за землю Русскую“, котораго воплощеніемъ сдѣлался въ лѣтописи Мономахъ, прямо высказывающійся и въ своемъ собственномъ завѣтѣ дѣтямъ: „не вдавайте сильнымъ погубить человѣка“. Тотъ же духъ завѣтный могучимъ образомъ проявился и въ самомъ главѣ „осифлянства“, когда онъ, отстаивая право монастырей владѣть имѣніями, явилъ блестящій примѣръ добраго

употребленія ихъ даровымъ открытіемъ монастырскихъ житницъ во время голода (см. житіе Іосифа Волоцкаго).

Тотъ же земскій духъ церкви, заставившій Сергія Радонежскаго благословить Дмитрія Донскаго на брань съ Мамаемъ и поддержать въ немъ духъ мужества примѣромъ тѣхъ двухъ иноковъ, которые явились бойцами на Куликовомъ полѣ, внушилъ архіепископу Вассіану его негодующее посланіе къ царю Ивану Васильевичу III, праздно стоявшему со своею ратью передъ татарскимъ станомъ. Ставъ выразителемъ той нетерпѣливой жажды свободы, которая пробудилась въ народѣ и мѣшала ему проникнуть въ смыслъ тѣхъ тонкихъ разсчетовъ, какими руководствовался въ своей медлительности Государь, Вассіанъ предостерегалъ его отъ опасности „бѣгуномъ явитися и предателемъ христіанскимъ именоватися", и отъ имени церкви снималъ съ него клятву въ вѣрности татарскимъ ханамъ, перешедшую къ нему въ наслѣдіе отъ предковъ. „Лучше, солгавъ, спастись, писалъ Вассіанъ, нежели истинствовавъ погибнуть"; нежели погубить

свой народъ, уподобясь „окаянному оному Ироду“, который далъ безумное слово дочери и ради вѣрности этому слову сталъ убійцей пророка Божія. По свидѣтельству же лѣтописи, ревность Вассіана дошла до того, что при безуспѣшности своего посланія, онъ предложилъ царю сдать ему, архипастырю, предводительство надъ русскою ратью. „Увидишь, прибавилъ тутъ Вассіанъ, утулю ли я, старый, лице свое предъ врагомъ“.

Но вотъ, на престолѣ другой Иванъ Васильевичъ, — онъ еще очень юнъ, но уже испорченъ, и отъ имени его помыкаютъ царствомъ нарочно испортившіе царя бояре. Кто направляетъ царя на путь истины, какъ не та же церковь — въ лицѣ вышедшаго внезапно изъ мрака и такъ и оставшагося скромнымъ іереемъ, до сихъ поръ загадочнаго въ легендарномъ своемъ обаяньи Сильвестра? Когда же царь снова сталъ, и уже безповоротно сталъ, на путь зла, кто сказалъ ему и тутъ безстрашное слово правды — не какъ Курбскій, только дразнившій его свирѣпство — скорѣе къ большему вреду, чѣмъ ко благу Руси и съ опасностью для

вѣрнаго своего слуги, но безъ малѣйшей опасности для себя, кн. Курбскаго;—кто, ставъ съ глазу на глазъ съ царемъ, обличилъ его не въ пылу раздраженнаго самолюбія, не ради личной отместки, а ради правды, какъ не та же церковь—и въ лицѣ митрополита Филиппа, — добраго пастыря, тутъ же и положившаго душу за свое стадо, и въ лицѣ того юродиваго, который - оказалось, что безнаказанно, но, конечно, безъ разсчета на то — подалъ царю сырое мясо и на его замѣчанье, что въ постъ онъ не ѣстъ скоромнаго, отвѣчалъ, что онъ дѣлаетъ хуже того—ѣстъ людское мясо?

Если такъ, то могъ ли постоянно не раздаваться голосъ древней Русской церкви и въ пользу „улучшенія быта несвободныхъ людей"? Не мало краснорѣчивыхъ данныхъ на эту тему собрано было покойнымъ Щаповымъ въ его извѣстной казанской рѣчи, произнесенной за три безъ малаго года до освобожденья крестьянъ, въ которомъ онъ усматривалъ „плодъ и торжество не одного современнаго просвѣщенія и цивилизаціи, но и плодъ и торжество христіанства"... „Церковь, го-

ворилъ тутъ же Щаповъ (впослѣдстіи, къ сожалѣнью, не устоявшій на народной исторической почвѣ), церковь возвышалась до самой чистой идеи человѣческаго достоинства, *гуманности*, задолго прежде, чѣмъ искусственная цивилизація дошла до нея путемъ горькихъ опытовъ и даже сильныхъ потрясеній въ жизни общественной“. Щаповъ приводилъ между прочимъ изъ сло̀ва приписываемаго духовнику царя Алексѣя Михайловича такія слова: „если царь нашъ вѣрою правъ, то онъ долженъ нелѣностно изыскивать и разсматривать все, что̀ относится къ общему благополучію всѣхъ его подданныхъ. Не о благѣ однихъ вельможъ пецись, но и о всѣхъ—до самаго послѣдняго... Прежде же всего нужны земледѣльцы: отъ ихъ трудовъ производится хлѣбъ, а хлѣбъ главизна всѣхъ благъ“ *).

Что такія наставленія церкви не совсѣмъ оставались втунѣ, это видно даже

*) „Голосъ древней Русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей.“ Рѣчь А. Щапова. Казань 1859 г. стр. 4, 26, 30 и 31.

изъ современнаго царю Алексѣю Михайловичу труда, рисующаго положеніе Руси въ самомъ мрачномъ свѣтѣ и обыкновенно приводимаго у насъ въ улику сторонникамъ древней Руси. „А будетъ который помѣщикъ и вотчинникъ, говоритъ Котошихинъ (этотъ нашъ второй послѣ Курбскаго писатель-эмигрантъ) учнетъ имати поборы великіе, не противъ силы... и будетъ на такого помѣщика и вотчинника челобитье... и у такихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ помѣстья ихъ и вотчины.... возьмутъ назадъ на царя, а что̀ онъ съ когоималъ какихъ поборовъ черезъ силу и грабежемъ, и то на немъ велятъ взять и отдать тѣмъ крестьянамъ; а впредь тому человѣку, кто такъ учинитъ, помѣстья и вотчины не будутъ даны до вѣку". Между тѣмъ какъ въ сосѣдней и *болѣе свободной*—какъ у насъ до сихъ поръ выражаются—Польшѣ (этомъ *адѣ крестьянъ*—infernum rusticorum—какъ величалъ ее въ XVII в. Крижаничъ, съ которымъ вполнѣ согласны народолюбивые изъ Поляковъ), между тѣмъ какъ тамъ сходило безнаказанно съ рукъ даже убійство па-

номѣ хлопа, особенно если хлопъ исповѣдывалъ и *хлопскую* (т. е. православную) вѣру, вотъ что говорится у того же Котошихина: „а будетъ который бояринъ и думной и ближней человѣкъ, или и всякой помѣщикъ и вотчинникъ учинитъ надъ крестьяны своими убойство смертное, или какое наругательство нехристіанскимъ обычаемъ.... а не будутъ на него въ смертномъ дѣлѣ челобитчики, и такимъ дѣламъ за мертвыхъ людей бываетъ истецъ самъ царь" *). Другой же современный Алексѣю Михайловичу повѣствователь о Русской землѣ—Хорватъ Крижаничъ замѣчаетъ о степени благосостоянья у насъ простаго народа: „хочьти въ богатыхъ земляхъ достатнѣи люди угоднѣе и обильнѣе живутъ неже на Руси, по всемъ томъ еднако же кметы (крестьяне)... на Руси много луче и угоднѣе живутъ, неже въ оныхъ пребогатыхъ земляхъ" **). Крижаничу, при всемъ своемъ зачаточномъ панславизмѣ, все же набравшемуся западно-европейскаго ари-

*) Глава XI, статья 3.

**) Раздѣлъ 20-й.

стократизма, даже не нравится излишняя роскошь, замѣчаемая имъ въ одеждѣ нашихъ крестьянъ.

Если неопровержимымъ остается при всемъ томъ, что закрѣпощенье крестьянъ относится къ древней Руси, то не менѣе неопровержимо и то, что высшее развитіе крѣпостнаго права относится уже къ Руси удостоившейся наитія европейской просвѣтительной философіи. Именно при ученицѣ Вольтера и энциклопедистовъ мы не видѣли уже ни на дѣлѣ, ни по закону какого-либо выслушиванія крестьянскихъ челобитень, а видимъ положительное запрещенье крестьянамъ подавать жалобы на помѣщиковъ, которымъ за то предоставлено право ссылать по своему усмотрѣнію крестьянъ на каторгу. Такіе *указы* появляются въ либеральную эпоху „Наказа", истребленнаго въ Парижѣ за либерализмъ; въ самомъ же „Наказѣ" мы читаемъ: „не слѣдуетъ вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать большаго числа освобожденныхъ". Этимъ нимало не нарушается либерализмъ „Наказа", такъ какъ это буквально переве-

дено изъ Монтескьё *). Либерализмъ не только не помѣшалъ, а скорѣе внушилъ и Вольтеру мнѣніе, что Государь можетъ только *пригласить* нашихъ помѣщиковъ къ освобожденію крестьянъ, но отнюдь не предписать имъ это. Что же касается дарованья крестьянамъ собственности, то Фернейскій мудрецъ смотрѣлъ на это какъ на вредную химеру, такъ какъ для пользы людей съ культурой, а стало-быть и самой культуры, всегда должны существовать люди, не имѣющіе ничего кромѣ своихъ двухъ рукъ для физическаго труда. Да вѣдь и такой, не только ужъ либералъ, а прямо радикалъ, какъ Жанъ-Жакъ, находилъ, восхищаясь аѳинской демократіей, что свободный можетъ быть вполнѣ свободнымъ именно тогда, когда рабъ будетъ вполнѣ рабомъ („Contrat social"). Радикилизмъ наконецъ не помѣшалъ Руссо въ томъ проектѣ новой конституціи, который онъ начерталъ для Польши по просьбѣ нѣкоторыхъ Поляковъ, декретировать эманципацію крестьянъ въ такомъ видѣ, чтобы каждогодно освобождалось только

---

*) Esprit des Lois, l. XV, ch. 18.

опредѣленное сеймомъ число изъ самыхъ благонравныхъ и непремѣнно съ вознагражденьемъ господъ за самую *личность* освобождаемыхъ. („Considérations sur le gouvernement de Pologne“).

Щаповъ, выходитъ, даже не точно выразился, сказавъ, что церковь (т. е. церковное правительство) возвышалась до самой чистой идеи человѣческаго достоинства, задолго прежде чѣмъ искусственная цивилизація дошла до нея. На повѣрку выходитъ, что цивилизація (къ чему тутъ оттѣнокъ *искусственная*?) и совсѣмъ до того не дошла. Попытки дойти до того до сихъ поръ признаются опасными для европейской цивилизаціи (другой же вѣдь и нѣтъ налицо). Вѣдь цивилизація, если вникнуть въ ея сущность — все еще создается *немногими и для немногихъ*. „Le gros du genre humain, la canaille“, какъ выражался Вольтеръ— (теперь не выражаются такъ, но думаютъ совершенно также)—по прежнему остается за вратами этого, вовсе не Божьяго царства.

Голосъ представительницы на землѣ царства Божія—церкви—все болѣе и бо-

лѣе слабѣетъ у насъ при первыхъ успѣхахъ западной цивилизаціи. Еще подъ вліяніемъ византійской цивилизаціи усвоивъ себѣ отъ мірской власти ея принудительные пріемы, попытавшись при Никонѣ, быть-можетъ не безъ соблазна со стороны Рима, вмѣшаться въ самую область кесареву, церковь поплатилась за то и другое тѣмъ, что попала со временъ Петра въ опеку Кесаря. Между тѣмъ въ лицѣ Ѳеофана Прокоповича сказалось страстное увлеченіе этимъ „плѣненіемъ Вавилонскимъ“. Въ его проповѣди—болѣе похожей на публицистику—проводится, хотя и съ археологическими ссылками на Византію — любимая идея XѴIII в.—„просвѣщенный деспотизмъ“,—теорія верховной власти учащейся уму-разуму у всесвѣтныхъ мудрецовъ безъ малѣйшаго вниманія къ народному голосу. Ѳеофанъ вполнѣ усвоиваетъ себѣ цивилизованное понятіе о простыхъ людяхъ; въ одной изъ своихъ проповѣдей онъ величаетъ ихъ „душами дешевыми“. Это прямое нечестіе на языкѣ церкви; но подданные царства культуры и не

могутъ иначе выразиться о некультурныхъ людяхъ.

Дешевымъ, не имѣющимъ никакого вѣса представлялся нашъ грубый народъ и тому гражданину Женевской республики, которому суждено было стать воспитателемъ императора Александра I. Если въ курсѣ всеобщей исторіи у Лагарпа прямо доказывалась законность бунтовъ и политическихъ убійствъ, то когда ему пришлось, уже не въ качествѣ воспитателя, высказаться у насъ по крестьянскому вопросу, тогда онъ не обинуясь сказалъ, что народъ еще слишкомъ неразвитъ, чтобы ощущать потребность свободы, что эту потребность придется еще пробуждать въ немъ, а что пока, при какихъ-либо улучшеніяхъ въ его бытѣ, надо старательно избѣгать самаго слова *свобода* *).

Подобно тому, какъ умники XVIII ст. не въ силахъ были дѣятельно расположить Екатерину II къ освобожденію крестьянства, непосредственный послѣдо-

*) См. монографію о Лагарпѣ проф. Сухомлинова. Она осталась у насъ незамѣченною, какъ и все, что мы не захотѣли замѣтить.

ватель ихъ въ началѣ XIX ст. былъ въ силахъ только удержать отъ того, заодно съ прямыми крѣпостниками, императора Александра I. Несостоятельность въ этомъ отношеніи раціонализма съ его чисто-головнымъ и себялюбивымъ понятіемъ о свободѣ вполнѣ сознавалъ у насъ Новиковъ, тотъ самый Новиковъ, который, потрудившись, какъ никто до него да и послѣ него, для распространенія у насъ духовнаго хлѣба, кормилъ, по примѣру нашихъ древнихъ обителей, и вещественнымъ хлѣбомъ народъ во время ужаснаго голода 1787 г., тотъ Новиковъ, до котораго, какъ до могучей общественной силы, долго добиралась Екатерина, задумавшая наконецъ его уловить посредствомъ митрополита Платона, но Платонъ на бѣду далъ отзывъ, что желалъ бы побольше встрѣчать такихъ истинныхъ христіанъ!

Вмѣсто того, чтобы подвергать Новикова заключенію, было лучше ввѣрить ему, а не Лагарпу, воспитаніе Александра I. Иначе и былъ на самомъ дѣлѣ сдѣланъ выборъ для Александра II: оно было ввѣрено поэту-христіанину.

И мы не даромъ недавно такъ чествовали Жуковскаго. Не даромъ надъ изголовьемъ покойнаго Государя висѣлъ постоянно тотъ медальонъ наставника, который можно было видѣть на юбилейной выставкѣ. Наставникъ не даромъ внушалъ своему ученику, что судьба наша зависитъ не отъ насъ, но отъ насъ зависитъ наша душа, которая должна быть всегда готова на подвигъ. Подвигъ Государя— это вести свой народъ „къ той цѣли, къ „которой всѣ народы стремятся, къ сво„бодѣ—а эта свобода не иное что, какъ „благоденствіе *всѣхъ* и *каждаго*, хранимое „Властію, не жертвуемое призраку благо„денствія *общаго*, а его въ своемъ *итогѣ* „производящее" *).

Вотъ какимъ наитіемъ осѣнялась юность покойнаго Государя—наитіемъ христіанскимъ ни больше, ни меньше того. А за годъ до его страдальческой смерти — въ адресѣ по случаю двадцатипятилѣтія его царствованія—также задушевно прозвучали предъ нимъ слова другаго хри-

*) Письмо къ гр. Ш—ку о происшествіяхъ 1848 г.

стіанина-поэта: „очень еще нуженъ Россіи царь-освободитель, ибо еще далекове отъ всѣхъ своихъ золъ освобождена она“ *).

Достоевскаго, правда, недавно обозвали у насъ, за одно съ Л. Н. Толстымъ, *новымъ* христіаниномъ, т. е. стремившимся создать какое-то самодѣльное христіанство **). Устраняя вопросъ о Толстомъ, по совѣсти можно сказать, что на Достоевскаго взводится тутъ напраслина. Онъ по истинѣ жилъ духомъ въ церкви — въ древней апостольской церкви, и всѣхъ призывалъ въ ея лоно.

Послѣдуемъ же такому призыву, станемъ дружно подъ знамя нашихъ Первоучителей, на немъ же начертано: „идѣ же духъ Господень—ту свобода“.

Ор. Миллеръ.

---

*) См. этотъ адресъ въ книжкѣ, изданной Славянскимъ Обществомъ: „Въ память Императора Александра II“.

**) „Наши новые христіане, Ѳ. М. Достоевскій и гр. Левъ Толстой“. К. Леонтьева. Москва 1882. Самъ авторъ брошюры сводитъ свое *старое* христіанство къ *страху*: „*а любовь уже после*“ (стр. 37(.

Дозволено цензурой. Москва. 27 апрѣля 1883 г.

Типографія М. Н. Лаврова и К., свой домъ.


2007043169